

Ольга Усачева

Руководитель – Токарева О.Г.

Жизнь детей на оккупированных территориях

Над вьюгами и стужами седыми
Вновь торжествует юная весна!
И как огонь с водой несовместимы,
Несовместимы дети и война!
Садовский Михаил

Сталинград навсегда останется в памяти народов не только России, но и всего мира. Сталинград стал символом славы, чести и гордости нашего народа. Во время Сталинградской битвы все жители, включая и детей, были вынуждены выживать в суровых условиях. Дети военного Сталинграда пережили все ужасы бомбардировок и фашистской оккупации. Их хрупкие тела были изранены фашистской сталью, их глаза видели смерть своих родных и близких. Их детство осталось в мирном и спокойном Сталинграде.

Сталинградская битва – одна из самых ожесточенных и кровопролитных битв в истории Второй мировой войны. За прошедшие десятилетия о великой битве на Волге написаны сотни книг – очерки, научные труды, романы, стихи. И хотя, прошло уже более семидесяти лет после окончания битвы, ставить точку в её изучении до сих пор рано. До сих пор неизвестно, сколько солдат погибло в 1942-1943 годах. Мы никогда не узнаем имен всех защитников города, даже по прошествии нескольких десятилетий. Но есть и ещё одна не до конца раскрытая тема в истории Сталинградской битвы – трагедия мирного населения, пережившего эту страшную битву.

В начале войны редкие бомбардировки города не смогли кардинально изменить жизнь детей, поэтому дети ещё не совсем понимали, что кроется под таким страшным словом «война». Они сохранили тёплые воспоминания о довоенном городе, о своем детстве, которое для детей младшего возраста мало изменилось в первый военный год [1. С. 5].

Основой для написания статьи послужили воспоминания родственников автора: Тимофеевых Геннадия Александровича, 2.08. 1937 г.р., и Валентины Ильиничны (Озарновой), 20.08.1935 г.р.

В то время как бои еще не пришли в Сталинград, дети продолжали гонять футбольный мяч по улицам города. Бегали и на Волгу. Геннадию Тимофееву в 1942 году было пять лет. Он вспоминает, как гулял во дворе своего дома и по улице Просвещения (расположена в Ворошиловском районе на Дар-горе), где жила его семья, «как клюнул его в лоб петух», как ему нравилось «наблюдать за лошадьёю» у соседнего двора. А Тимофеева (Озарнова) Валентина, которой было семь лет, помнит, каким безоблачным было то время¹.

Дети узнали, что такое война, когда начали призывать на фронт их родных. Вспоминает Валентина: «Отец не был призван из-за возраста, он ушел в партизаны. Старшего брата забрали в армию, он служил летчиком. Погиб».

Спокойная жизнь закончилась в Сталинграде 23 августа 1942 года. Этот день стал одним из самых страшных и трагических дней в истории Сталинградской битвы. Как и в предыдущие дни, нещадно палило солнце. Жители города даже не догадывались, что пройдет всего несколько часов, и этот солнечный день превратится в чёрный и огненный. В 12 часов по радио объявили воздушную тревогу, но люди, привыкшие к таким сообщениям, не спешили прятаться в убежище. А потом началось страшное. В течение нескольких часов на город сыпались бомбы. Геннадий вспоминает: «На наш двор упали две бомбы. Образовались две огромные воронки». Дом Валентины тоже был разрушен.

Первое знакомство с фашистами пятилетний Гена запомнил на всю жизнь. Его семья пряталась в вырытой во дворе яме – «окопе», во двор вошли немцы с автоматами в руках. Они требовали: «курку», «яйку», «молоко». Геннадий вспоминает: «Отец выглядывал из окопа, и его немец прострелил. Только Бог его спас. Под левой лопаткой пуля прошла на вылет. Ранение оказалось легким,

¹Здесь и далее см. интервью Тимофеевых Геннадия Александровича и Валентины Ильиничны (Приложения 2).

и он не сильно болел». А Валентина помнит, как приходилось прятаться днем в тоннеле под железной дорогой: «Жили мы в тоннеле, где Ельшанский овраг. Там сейчас ездят электрички и электропоезда. В тоннеле мы находились только днем. А по ночам уходили спать в окоп, который вырыли во дворе разрушенного дома. Как только начиналась ночь, мы уходили ночевать в окоп, а начинался день – мы бежали в овраг, в этот тоннель, спасаясь от самолетов. В тоннеле находились весь день».

Ни одна война не обходится без голода. Сталинград не стал исключением. Голод не жалел никого. Ели всё, что только можно найти. Валентина вспоминает, как им приходилось есть горелое зерно из разрушенного элеватора: «Был разбомблен элеватор, и взрослые по ночам ходили туда за горелым зерном. У одного дедушки была крупорушка. Взрослые мололи на ней горелое зерно и из муки пекли лепешки, еще добавляли траву лебеду и варили кашу. Но потом зерно закончилось».

В первых числах октября 1942 года, по приказу немецкого командования началась депортация населения из Сталинграда. Но она была вызвана не стремлением обеспечить безопасность людей. Командование боялось, что население может стать рассадником опасных инфекций, может оказывать помощь советским разведчикам, проникавшим в город под видом мирных жителей. Кроме того, сталинградцы занимали немногие уцелевшие дома и подвалы, в которых собирались поселиться немецкие военнослужащие [2. С. 5].

Вспоминает Геннадий: «В конце августа - начале сентября 1942 года немцы нас погнали на запад. Наша семья была большая, соседом у нас был старший брат отца, Иван Романович, его детей вместе с нами погнали на запад. В конце сентября, когда начало холодать, мы остановились в селе Конном Ростовской области». Вот семья Валентины уходила из города тайком: «Мы уходили ночами. На телегу сложили свои пожитки и ночами перебирались. Добрались до деревни около станции Морозовская (Ростовская область)».

Для жителей Сталинграда, не успевших эвакуироваться, впервые прозвучало это название – Белая Калитва. Его произнесли немецкие офицеры, которые занимались выселением горожан. Оно звучало как-то просто и безобидно, но месяцы спустя приобрело трагический смысл. Это было название конечного пункта, места сбора мирных жителей Сталинграда, вышедших из горящего города. Городище, Гумрак, Калач, Белая Калитва – этим путем шли осенью 42-го года измученные люди, потерявшие всё – семьи, друзей, дома. Никто не считал их, прошедших путь до Белой Калитвы. Никто не знает, сколько из них не вернулось назад. Люди шли без теплой одежды, пищи, в дождь и мороз, оказавшись на этом пути в том, в чем их вытолкали из дома чужие солдаты. На военном языке это называлось «выселением мирных жителей из зоны боевых действий» [2. С. 5].

Мои родные до Белой Калитвы не дошли, а остановились раньше. Семья Валентины - в селе у станции Морозовская Ростовской области. К сожалению, название села она не помнит. Семью Геннадия приютили в селе Конное Ростовской области, сейчас его даже нет на карте. Не сохранились все подробности их пребывания в изгнании, но есть воспоминания, которые не сотрутся из памяти никогда. Вспоминает Геннадий: «В конце сентября, когда начало холодать, мы остановились в селе Конном Ростовской области. Нас приютила пожилая женщина тетушка Гугуиха. В селе стоял румынский неисправный, брошенный автомобиль. Отец сумел его восстановить и подъехал на нем к дому Гугуихи. Румыны увидели это и стали искать того, кто перегнал автомобиль. Отец и младший брат матери Николай спрятались, а потом сбежали на восток в Сталинград, на фронт. Зимой в доме произошел несчастный случай, и мы вынуждены были переселиться в здание соседней школы, там и жили до февраля месяца». Валентина вспоминает: «Нас пустила к себе в дом женщина, у нее мы и жили всю эвакуацию. Питались тем, что приносили люди. Мать моя перешивала одежду для людей в деревне, ей за это приносили продукты. На улицу нас не пускали, и мы играли дома. Мама

пошила куклы, и в них мы играли. Немцы всех молодых людей старше четырнадцати лет угоняли в Германию. У меня был брат, и мама его нарядила в женскую одежду: платье, платочек, он получился у нас девочкой, так мама его спасла от плена».

Возвращаться из депортации сталинградцы стали сразу после разгрома фашистов под Сталинградом. Вспоминает Валентина: «Когда немцы стали убегать, бросать технику, драпать, тогда мы поняли, что произошло освобождение Сталинграда. И по ночам стали пробираться к городу. А днем прятались по оврагам, по лесочкам».

После войны дети стремились учиться и познавать всё новое. Условий для обучения не было. Школы открывали в разрушенных зданиях, подвалах. Добираться приходилось по тропкам среди минных полей, через заснеженные овраги. Геннадий помнит в каких условиях учились они после войны: «В школу я пошел в сентябре срок четвертого года. Это было деревянное полуразрушенное здание, позже отстроили глинобитное здание школы № 93. До восьмого класса я учился в этой школе. Потом было построено двухэтажное здание, и до 10-го класса я учился в новом здании». Ни отсутствие тетрадей и учебников, ни замерзшие чернила, ни холод в школах – ничто не могло остановить желания детей учиться. После перенесённых страданий, самые обычные школьные уроки казались им лучом света, открытием новых миров... Война и дети... Как несовместимы эти понятия! Каким беззащитным становится ребенок, когда взрослые воюют. Дети войны познали горечь жизни раньше, чем научились понимать эту жизнь. Трудно представить, что значит голод, холод и горечь утрат для детей! Тема войны, тема детей-сирот всегда останется актуальной, и мы должны помнить о наших предках, уважать их и никогда не забывать, через какие муки они прошли, делая все для защиты нашей Родины! Мы обязаны, должны помнить, какой ценой досталась нам победа!

Подводя итог своей работы, я еще раз убеждаюсь, что война и дети эти слова никогда не должны стоять рядом, что война отбирает у мальчиков и

девочек детство – настоящее, солнечное, с книгами и тетрадями, смехом, играми и праздниками. А горе и страдания, боль и утраты помогли воспитать в том поколении стремление к достойной мирной жизни, любовь к ней, самопожертвование, сострадание, доброту, отзывчивость.

Список использованной литературы:

1. Жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях детей/ монография // Никифорова Т.П. – Мужество сталинградцев в веках...: материалы круглого стола, Волгоград, 26 февр. 2015 г. / Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Отдел доступа к электронным ресурсам; [науч. ред. и авт. предисловия М. Б. Кусмарцев; ред.-сост. Т. И. Климова; отв. за вып. Л. А. Ульяева]. – Волгоград, 2015. – 5-12 с.
2. Национальная трагедия. Гражданское население в Сталинградской битве. Урок памяти. / монография // Амелина М.А. - ВМУК «Централизованная система городских библиотек» Библиотека-филиал №4 им. Ю.В. Бондарева Информационный центр «Патриот Отечества». Волгоград.

Семья Тимофеевых: Александр Романович, Александр, Геннадий, Николай, Алевтина, Анастасия Афонасьевна. 1950 г.

Тимофеевы Геннадий и Александр. 1945 г.

Выпускной 10 класс школы № 93. Тимофеев Геннадий внизу слева. Сталинград. 1954 г.

4 «Е» класс школы № 93. Тимофеева (Озарнова) Валентина крайняя слева.
Сталинград. 1948 г.

Тимофеева (Озарнова) Валентина
(справа). Сталинград. 1953 г.

Тимофеева (Озарнова) Валентина
Сталинград. 1955 г.

Воспоминания Тимофеевой Валентины Ильиничны

Интервью взято Усачевой Ольгой 15.01.2017 г.

Тимофеева Валентина Ильинична, родилась в 1935 году 20 августа в городе Сталинграде.

Отец работал в «Волголесосплаве», сплавлял лес по Волге. Мать была домохозяйкой.

Детство проходило хорошо.

Наш дом разбомбили немцы. Жили мы в тоннеле, где Ельшанский овраг. Там сейчас ездят электрички и электропоезда. В тоннеле мы находились только днем. А по ночам уходили спать в окоп, который вырыли во дворе разрушенного дома. Как только начиналась ночь, мы уходили ночевать в окоп, а начинался день – мы бежали в овраг, в этот тоннель, спасаясь от самолетов. В тоннеле находились весь день. Отец не был призван из-за возраста, он ушел в ополчение – партизаны. Старшего брата забрали в армию, он служил летчиком. Погиб. Средний брат был вместе с нами. Был разбомблен элеватор, и взрослые по ночам ходили туда за горелым зерном. У одного дедушки была крупорушка. Взрослые мололи на ней горелое зерно и из муки пекли лепешки, еще добавляли траву лебеду и варили кашу. Но потом зерно закончилось.

Мы уходили (*из Сталинграда – У.О.*) ночами. На телегу сложили свои пожитки и ночами перебирались. Добрались до деревни около станции Морозовская (Ростовская область).

Нас пустила к себе в дом женщина, у нее мы и жили всю эвакуацию.

Жили у хозяйки. Питались тем, что приносили люди. Мать моя шила для людей в деревне, ей за это приносили продукты.

На улицу нас не пускали, и мы играли дома. Мама пошила куклы и в них мы играли.

Все (*школы, церкви – У.О.*) было разрушено.

Немцы угоняли молодежь в Германию. У меня был брат, и мама его нарядила в женскую одежду: платье, платочек, он получился у нас девочкой, поэтому его не забрали.

У нас не было жертв (*при освобождении – У.О.*). Когда немцы стали убегать, бросать технику, драпать, тогда мы поняли, что произошло освобождение Сталинграда. И по ночам стали пробираться к городу. А днем прятались по оврагам, по лесочкам.

Вернулись весной.

Все было разрушено. Мы жили в окопе. На месте дома делали мазанку – землянку.

То, что немцы бросали, мы отстирывали, мать перешивала, в это и одевались.

В школу я пошла в 1944 году. Школа была «глинобитка».

Воспоминания Тимофеева Геннадия Александровича

Интервью взято Усачевой Ольгой 15.01.2017 г.

Я, Геннадий Александрович Тимофеев, 1937 года рождения, 2 августа. Отец - Тимофеев Александр Романович, 1917 года рождения, мать - Тимофеева Анастасия Афанасьевна (Королева), 1918 года рождения. Жили мы в Сталинграде на улице Просвещения, 28. Это Ворошиловский район.

Я помню себя с довоенного времени. Гулял по двору, по улице, играл с соседскими детьми, домашними животными: с лошастью, был у нас петух, который однажды меня клюнул в лоб.

Оккупанты захватили и разрушили весь Сталинград, бомбили все окраины, центр нашего города. На наш двор упали две бомбы. Образовали две огромные воронки. Родители построили во дворе блиндажик – окоп, в котором мы жили. Немцы бродили по нашим улицам, требовали от нас «курку», «яйку», «молоко». Они всех подозрительных людей стреляли без предупреждения. Так же досталось моему отцу. Он выглядывал из окопа, и его немец прострелил. Только Бог его спас. Под левой лопаткой пуля прошла навылет. Ранение оказалось легким, и он не сильно болел. В конце августа - начале сентября 1942 года немцы нас погнали на запад. Наша семья была большая, соседом у нас был старший брат отца, Иван Романович, его детей вместе с нами погнали на запад. В конце сентября, когда начало холодать, мы остановились в селе Конном Ростовской области. Нас приютила пожилая женщина тетушка Гугуиха. В селе стоял румынский неисправный, брошенный автомобиль. Отец сумел его восстановить и подъехал на нем к дому Гугуихи. Румыны увидели это и стали искать того, кто перегнал автомобиль. Отец и младший брат матери Николай спрятались, а потом сбежали на восток в Сталинград, на фронт. Зимой в ее доме произошел несчастный случай, и мы вынуждены были переселиться в здание соседней школы, там и жили до февраля месяца. Об освобождении Сталинграда мы слышали от соседей. Это село было под оккупацией румынских подразделений.

Наверное, были *(жертвы среди гражданского населения при освобождении села – У.О.)*. Мы увидели, что румыны побежали на запад.

Мы вернулись домой в марте 1943 года. Сталинград был разрушен. Он представлял из себя сплошные развалины. Мы поселились рядом с Ельшанским оврагом, сейчас это район Тулака, на улице Аэротской. Я и мой старший брат сильно заболели, брат умер. На улице Чистопольской (Орской) взрослые восстанавливали разрушенную брошенную хату. Вселились в этот дом мы только весной 44-го года.

В школу я пошел в сентябре 44-го года. Это было деревянное полуразрушенное здание, позже отстроили глинобитное здание школы № 93. До 8 класса я учился в этой школе. Потом было построено двухэтажное здание, и до 10-го класса я учился в новом здании. В 1954 году я закончил школу и поступил в сельхозинститут. В 1958 году было построено новое здание института в Советском районе, в нем я институт заканчивал.